

Николай Сергеев

Истории про меня и про Советскую армию

16+

Николай Викторович Сергеев

Истории про меня и про Советскую армию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51139558

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ про то, как я попал в Советскую армию и умудрился вернуться обратно домой живым и относительно здоровым.

Про меня и про армию

Жизнь и работа или работа и жизнь?

Существует два возможных варианта решения этой проблемы. Первый – «мы живем, чтобы работать», и второй – «мы работаем, чтобы жить». Есть, конечно, и ещё один вариант, когда работать не надо в принципе. Но таких случаев на моём жизненном пути практически не встречалось. За мои долгие годы мне очень везло в жизни – в основном вокруг меня были люди, которые придерживались принципа «мы живём, чтобы работать». Работа у таких людей была всегда на первом месте, она приносила им глубокое моральное удовлетворение, и, если с этим иногда совпадало и удовлетворение материальное, то эти люди были по-своему просто счастливы. Лозунг «На работу, как на праздник» вполне можно считать счастьем для таких людей, так как более одной трети жизни большинство людей проводят на работе и в работе.

Часто такие люди не могут остановиться и становятся трудоголиками. Но, с другой стороны, как можно не думать о любимом деле и не пытаться решить в голове сложные и интересные проблемы, находясь дома, на отдыхе, в отпуске и даже во сне.

Кстати, именно во сне часто, волшебным образом, приходят в голову варианты решения сложных проблем, напрямую связанных с вашей работой и над которыми бьешься не один

день, а решения всё нет и нет.

Почти всё, что описано далее в этом опусе, связано с работой. Хотя как можно назвать работой службу в Советской армии? Но тем не менее это тоже работа, правда уже из категории «мы работаем, чтобы жить».

Все имена и фамилии, которые встречаются в этих текстах, могут быть вымышленными.

И описанные события тоже могут быть результатом художественного вымысла, а представленные фотографии могут быть следствием хорошей работы с Фотошопом.

Но общее представление о жизни в СССР, в то время и в той социалистической действительности, соответствует реальности.

Я ни в коем случае не претендую на то, что всё нижеописанное есть истина. Это просто отражение того, что я видел и в чём сам участвовал. Если что-то в описании тех давних событий написано в корне неправильно, то, пожалуйста, сообщите мне. Я с благодарностью приму любую критику или дополнения и уточнения.

Как я попал в Советскую армию и вернулся домой живым

В 1973 году, весной, я окончил учебу в МТЖДТ (Московский техникум железнодорожного транспорта им. А.А. Ан-

дерева), который находится в Москве, в Кучином переулке дом 14, между станциями метро «Рижская» и «Щербаковская» (которая теперь называется «Алексеевской»).

Учился я хорошо, специальность – «Радиосвязь и Радиовещание на железнодорожном транспорте» – мне нравилась (радиолобительством я начал активно заниматься ещё в школе, в 6-м классе). В результате я получил красный диплом (из каждой учебной группы такой диплом выдавали, как правило, только одному выпускнику), который давал мне право легко поступить в институт по выбранной профессии. Нужно было только сдать на пять один вступительный экзамен, обычно математику или физику. Это было бы не просто, но попробовать было бы можно. Но... поступать в институт нужно было немедленно, этой же осенью и только на дневное отделение, чтобы получить отсрочку от армии, так как иначе всех забирали в армию. Работа на железной дороге брони не давала.

А после окончания техникума я уже через месяц работал на Белорусском вокзале, в КИП радио депо Ильича. Вообще-то меня направили по распределению на Киевский вокзал, но я нагло пошёл в депо Ильича (ШЧ-15 – так на железной дороге называется подразделение связи – «Шввязь Часть»), где проходил практику (и 2 лета подрабатывал в пионерском лагере), и, хотя увольнялся я после практики не очень правильно, они согласились меня взять на работу. Дали они мне письмо в Управление железной дороги (в высотке

около Казанского вокзала), я, совсем обнаглев, с этим письмом добрался до какого-то начальника, и он мне переписал направление на работу. Работа в «КИПе Радио» при депо Ильича в тот момент была очень интересная. Внедрялись новые радиостанции на транзисторах и гибридных микросхемах (до этого все радиостанции были только на электронных лампах). Создавались и изготавливались новые стенды для контроля, настройки и ремонта этих радиостанций. Как раз к этой работе я и подключился (собственно, и на практике там же я этим уже занимался). Потом эти стенды даже выставлялись на ВДНХ, но я к тому времени уже попал в армию.

В то время почти все мои друзья шли служить в Советскую армию. Время такое было, и не отслужить в армии было как-то непрестижно (больной ты, что ли?). Всё было спокойно, Афганская война ещё не началась, казалось, что стабильность и процветание в стране – это навсегда. Мои троюродные братья из Зарайска, Виктор и Валерий, отслужили в армии, и их рассказы мне нравились. Образцом для подражания был для меня и двоюродный брат Евгений – морской офицер, который служил во Владивостоке. Его приезды в отпуск были для меня просто счастьем. Также я хорошо помнил рассказы о войне моего, уже покойного тогда, отца Виктора Фёдоровича, моего дяди Игоря Владимировича и соседа по Томилино – Николая Николаевича. Да и дед мой, Владимир Александрович, считал службу в армии правильным явлением.

Моя мама Ия Владимировна в то время ещё работала метеорологом в ЛИИ в г. Жуковском, сестра Елена училась в школе. Прожить на одну зарплату моей матери семье было тяжело. А когда я стал работать, то получал сразу почти столько же (кажется рублём 135), сколько и моя мама (на железной дороге в то время платили очень хорошо). Ещё, наверное, и поэтому я не представлял себе, как можно идти в дневной институт и жить на одну стипендию в 30–40 рублей, которую в то время платили далеко не всем студентам.

Короче, решение вызревало такое – идти в армию, а через два года поступать в вечерний институт и работать. Дед и мама не возражали. Наверное, если бы в тот момент кто-то из старших авторитетно объяснил мне, как надо поступить, я бы задумался, но таких рядом не нашлось. Был, правда, один момент – проблемы со здоровьем. Дохлым и хилым я даже сам себе казался, никаким спортом никогда не занимался, подтянуться на турнике мог только два, не больше. Но мои ближайшие друзья заверяли меня, что армия тут меня исправит и заставит «возмужать».

Осенью меня вызвали в военкомат. А в то время у меня на ногах были «вросшие ногти» на больших пальцах. Медкомиссию я прошел, но потом хирург выдал мне направление в поликлинику по месту жительства на «лечение от сутулости» и «удаление вросших ногтей». Один раз мне такую операцию уже делали в железнодорожной поликлинике на Ка-

ланчёвке, правда хватило только на полгода, а потом опять стало ходить очень тяжело и больно. Лечение затянулось на несколько месяцев и в осенний призыв в армию я уже не попал. И хорошо, что так получилось, весной начинать службу в армии оказалось гораздо легче.

В районной поликлинике меня чуть было не залечили до смерти. Операцию мне сделали в начале зимы и сразу на обеих ногах, но жить мне пришлось в Москве в квартире одному и ходить через день на перевязки и продлевать больничный лист. А ещё надо было и в магазин за продуктами и по дому... Началась почти гангрена и с большим трудом удалось как-то залечить эти раны. Но с тех пор на всю жизнь у меня большие проблемы с ногами. Кстати, потом в армии один чудак случайно стукнул мне ломом на ноге, как раз по больному месту, и опять долго мне пришлось лечиться. Зато с тех пор я твердо знаю: **нельзя лом втыкать в землю, он обязательно упадёт и стукнет кого-нибудь по ноге**. Это первая заповедь, полученная мной от службы в армии. Вообще заповедями я буду называть лично мной вынесенные в результате службы в Советской армии правила поведения в жизни и обществе.

Пока шла вся эта канитель, я умудрился получить права на мотоцикл. В то время это было довольно просто – пришел в ГАИ, заплатил один рубль за экзамен и сразу сдал, с первой попытки. Надо было по карточкам ответить правильно

на семь вопросов из восьми (а на права на автомашину нужно было правильно ответить на девять вопросов из десяти). Почитал перед этим правила дорожного движения несколько вечеров – и готово. А вот вождение на мотоциклах в Москве сдавали в то время в одном-единственном на месте, около ВДНХ. Ездить на велосипеде, а потом и на велосипеде с мотором я умел хорошо. На мотороллере «Вятка» я натренировался с моим другом Виктором Малковым в Томилино, а вот на мотоцикле никогда не ездил. Но мне повезло, около ВДНХ было несколько жаждущих сдать езду на своих мотороллерах, и один из них дал мне проехать на своём железном коне. Кстати, сам хозяин этого мотороллера в тот раз экзамен завалил.

К весне 1974 года я окончательно оклемался и ноги уже так не болели.

18 мая в Москве было очень холодно, градусов 5 тепла. Повестка на завтра уже была на руках. Я выпросил у своего приятеля, Вити Малкова, его мотороллер «Вятка» и поехал попрощаться с родственниками в Ухтомку. На обратном пути меня остановил гаишник. Права у меня были, а документов на мотороллер не было. Но показанная гаишнику повестка подействовала как пропуск-вездеход. Потом уж, много позже, я узнал, что у милиции были прямые указания: призывников с повесткой не задерживать ни при каких обстоятельствах. В последние дни перед призывом в армию

можно было творить всё что угодно. В самом крайнем случае они могли только задержать и сами доставить в военкомат на призыв.

Вечером собрались в Томилино ближайшие друзья, посидели, выпили...

И 19 числа, меня таки «забрили» в Советскую армию.

Утром привез меня из Томилина в Москву на своём «Запорожце» с ручным управлением наш сосед, Николай Николаевич Куликов. Прямо в военкомат на «Семеновской». Так нам «по-быстрому» выдали военные билеты, отобрав при этом паспорта и приписные свидетельства. Обыскали, при этом не нашли у меня плоский складной ножик в чехле с расчёской. Посадили в автобус «ПАЗик» (человек двадцать призывников) и повезли по Москве. Провожающие толпились у ворот военкомата, потом, наверное, разошлись. А нас, повозив минут 20–30, привезли обратно на Семеновскую площадь, только с другой стороны, и завели в салон-парикмахерскую. При призыве положено было стричься наголо, но, естественно, все пришли стриженные, но просто коротко. Короче, за один рубль с каждого нас постригли машинкой наголо (в парикмахерских в то время цена стрижки машинкой была 10 копеек, так что парикмахеры сильно обогатились и, я думаю, поделились с двумя молодыми людьми из нашего сопровождения от райкома комсомола). Однако никто не возмутился такой наглости.

К обеду нас привезли на центральный Московский сбор-

ный пункт на Угрешской. Кормить не стали, да многие и не смогли бы есть – почти все были пьяны после вчерашних проводов дома. До вечера просидели в спортзале на голом полу. В тот день на улице было не жарко, но терпимо, всего градусов 10 тепла. Вечером поужинали тем, что нам родители в дорогу с собой дали. Народ начал оживать... Ночью на голом полу было очень холодно. Кто-то блевал и плакал. Кто-то умудрился ещё выпить (в грелках пронесли таки водку). Вонь стояла необыкновенная.

А утром, 20 мая 1974 года, обнаружилось, что за ночь в Москве выпал снег, сантиметров 10. И нас всех послали штыковыми железными лопатами чистить плац от снега – по размеру это был просто аэродром какой-то.

К обеду стали появляться «купцы» – присланные за пополнением из разных городов и частей офицеры и сержанты. Они смотрели личные дела, вызывали на беседу. Глядя на мою «дохлость», никто меня брать не хотел. Хотя я в военкомате был приписан в радиотехнические войска, на это никто не смотрел. Брали всех подряд, кто попался в данный момент, и куда ни попадя. А количество призывников всё увеличивалось, их подвозили и подвозили сплошным потоком. Вторую ночь не помывшись не побрившись, на голом полу спать я уже не смог. Только под утро закемарил. Соседи, товарищи по несчастью, тоже сильно мучились – водка кончилась, трубы горели...

Наконец к обеду появилась очередная команда из строй-

бата, которая брала всех подряд, невзирая на лица и характеристики. К ним я и попался. Ближе к вечеру нас, человек 20 призывников, предварительно опять обыскав, повезли на Курский вокзал и посадили в сидячий поезд до Горького.

Наконец появилась какая-то определённая. Ребята достали свои «гостинцы», некоторые умудрились и опять выпить то, что припрятали и что не отобрали во время обысков и уцелело после ночей, проведённых на Угрешской. Как я теперь понимаю, эти «некоторые» были уже «бывалые» ребята. Некоторые из них уже и отсидеть успели.

В стройбат брали всех... «Советский стройбат – это звери. Им даже оружия не дают. Они уже одним своим видом должны внушать страх и ужас потенциальному противнику. А два солдата из стройбата с лихвой заменяют экскаватор».

Как я стал сантехником

В Горький приехали поздней ночью. Посадили нас в крытый грузовик и повезли... Километров в 20 от Горького, ниже по течению Волги, находится этот городок, Кстово. В нём, на самом крутом берегу Волги был старинный парк – огромная усадьба, со старинными дубами в два обхвата. Вот там и находился учебный полк с полным хозяйством, складами, автопарком и «губой». Два батальона учили на сержантов, а один – на прапорщиков (это для тех, кто уже год отслужил и решил «куском» стать). Была ещё рота обслуживания, где солдаты служили все два года в этой части и только при де-

мобилизации им могли присвоить сержантское звание (если ни разу нигде не прокололся). Я случайно попал в роту, которую учили на сантехников. Помогло то, что у меня был диплом техникума, а сантехники в этой воинской части считались «элитой» – сплошь бывшие студенты или даже уже почти инженеры, которых выгнали из институтов.

Ночь опять провели на голом полу в спортзале, а утром нас распределили по взводам. Я попал в первое отделение первого взвода первой роты. Повели нас в баню, ещё раз постригли, помыли и обсыпали карболкой. И только потом выдали нам наконец форму с «Тракторами» на петлицах. Почти по размеру – 50-й, а у меня в то время был 44-й. И кирзовые сапоги неизвестного размера. Начали учить портянки наматывать, мне далось очень не просто. Тут же все натерли мозоли, и недели две я ходил с трудом, сцепив зубы. Потом старшина роты, как сейчас помню – прапорщик Блудов, мне сапоги поменял на старые, поношенные, но по размеру, и ходить стало легче.

Постепенно рота наполнялась новыми ребятами, и недели через две начались занятия. А то до этого нас использовали на «хозработах»: что-то копали, что-то засыпали, что-то носили с места на место. Пока прибывали новые будущие курсанты я умудрился отличиться – не помню почему, но заделался я «фигаро». Стриг наголо ручной машинкой вновь прибывших. Один раз какой-то сержант мне говорит: «У тебя хорошо получается, постриги меня». Но сержанты имели

причёску «чубчик», чем очень гордились. Как-то я его оболванил, но с «височками» промазал – сделал их в ноль, так потом бандиты ходили во времена Ельцина.

Этого мне тот сержант до конца службы забыть не смог, повезло, что я в другом взводе был.

Учили, как подворотнички пришивать – каждый день нужно было старую белую тряпочку оторвать, а новую пришить. Одеваться быстро тоже учили, но 45 секунд особо не требовали, хотя наш сержант и показывал, что это реально. Главное было вечером перед отбоем выровнять по ниточке сапоги и табуретки, а утром заправить с кантиком кровати и всё опять выровнять по ниточке. Был один сержант, который по вечерам издевался, посмотрит на ряд сапог и орёт: «Сапоги, равняйся, смирно, вольно, разойдись» и как даст ногой по ряду сапог. Всё летит в разные стороны и потом, уже в темноте, нужно свои сапоги искать и равнять в общем ряду. В ногах двухъярусных кроватей (мне досталась кровать на втором ярусе) стояли деревянные табуретки (их мы тоже должны были выравнивать по ниточке), на которые нужно было, раздевшись, аккуратно укладывать свою форму. Так с этими табуретками случалась такая же история: «Табуретки, равняйся, смирно, вольно, разойдись». Тут уже и вся одежда летела в разные стороны. А каждая вещь имела клеймо – жирно написанный шариковой авторучкой номер военного билета. Вот по этому-то номеру и можно было в общей куче отыскать своё...

Всё время хотелось есть и спать. Потом какой-то начальник хвастался перед всей частью, что они сэкономили за время нашего обучения столько-то тонн хлеба. Голодными и не выспавшимися легче управлять и держать их в подчинении...

Вскоре выяснилось, что первый взвод нашей роты имеет дополнительную нагрузку – это внештатная пожарная команда. И спать пришлось ещё меньше. Утром довольно часто вместо шести часов нас будили в пять, и мы бегали с огнетушителями по всей части, изображая «пожарную тревогу», а потом, потные и злые, вместе с остальными, которые нормально встали и умылись, бежали на утреннюю зарядку.

В армии делалось всё по команде, строем и с песней. Пришли с песней в столовую, зашли, встали около стола. Команда «Приступить к принятию пищи». Поел – не поел, это никого не волнует. «Встать, выходи строиться». Были случаи, когда сержант злится и хочет выпендриться. Только сели, и минуты не прошло – выходи строиться. А брать с собой даже хлеб категорически не разрешалось. Но постепенно как-то всё образовалось.

С удивлением, например, я узнал, что некоторые слова в армии говорить категорически нельзя. Например, нельзя спросить: «Можно войти?» – немедленно следовал ответ: «Можно козу на возу, а в армии – РАЗРЕШИТЕ войти». Нельзя говорить: «Я обиделся» – на обиженных воду возят. Надо говорить: «Я огорчился» или в крайнем случае: «Рас-

строился».

Только много позже стало понятно, что эти условности пришли в армию из тюремного лексикона и тюремных обычаев.

На турник я так не мог залезть, на коня только верхом залезал, но бегать как-то мог. Полоса препятствий для меня была пыткой. Как мне за неё зачёт поставили, даже и не знаю.

В отличие от чистого стройбата, в этой учебке готовили строевых сержантов. Поэтому всё было всерьёз, и оружие – карабины СКС с боевыми стрельбами (не часто, но прикольно), и противогазы, и караульная служба, и марш-броски с полной выкладкой.

Распорядок жизни в учебке был примерно такой... Утром подъём с 06:00, построение и утренняя зарядка с бегом по части в полуголом виде, приборка в казарме. Потом строем на завтрак. После завтрака занятия – политика, замполит талдычит о роли партии и о том, как «Космические корабли бороздят просторы Большого театра». Любимый вопрос замполита: «Покажите на политической карте мира Бангладеш» – в то время там как раз очередная революция случилась, и присказка такая появилась: «Свободен как Бангладеш». А спать после завтрака хочется страшно. Капитан и сержанты только этого и ждут. Закрыв глаза – значит не согласен с политикой партии в этом вопросе. Встать... наряд

вне очереди на чистку туалета или чистку картошки в столовой.

Наряд по столовой – это песня. Особенно, когда со своим взводом идёшь. Сутки в столовой без сна и отдыха. Мыть, убирать, чистить картошку (на полк картошки нужно килограмм 200–300 в день). Чистили тупыми ножами (чтобы без эксцессов) всю ночь. Была картофелечистка, но её использовать было запрещено – отходов много. Зато животы потом у всех набиты. Все объедки подбирали. От компота оставались яблоки и ягоды – их ели прямо руками из чайников, которыми разливали компот по кружкам на столах. Соответственно и животы потом у всех пару дней болели.

После политики, если никуда копать не отправят, то занятия в классах по специальности: устройство отопления с нижним розливом, устройство отопления с верхним розливом, фасонина и фитинги и т. д. Или строевая подготовка на плацу: подход к начальнику, отдавание чести, строевые приёмы с оружием и т.д.

Затем опять строим с песней в столовую на обед. «Плохо, голуби, поёте, наверное, не проголодались. А ну-ка ещё кружок по плацу. Выше ногу, громче песню...»

После обеда опять какие-то занятия. Главное – не заснуть... Ужин, вечерняя прогулка строим с песней. «Что-то вы, голуби, спать сегодня не хотите, громче песню...» Вечерняя поверка и долгожданный отбой. Свободного времени практически не было. По воскресеньям и праздникам –

поблажка, подъём в 07:00. И после завтрака уборка казармы – вымыть всю казарму... Мыли «палубным методом» – выливали на пол ведро воды, мылили хозяйственным мылом и тёрли швабрами. До обеда времени не хватало... А вечером сержанты загоняли всех в Ленинскую комнату – писать письма домой. Сержант ходит по рядам и проверяет, как там, правильно ли написано: «Мы живём хорошо». А если кто из детдома и писать некому? Тогда пиши письмо сержанту...

Бывали, конечно, и пакости всякие. Например, нальют кому-нибудь в сапог воды. Он скорее-скорее ногу в портянке туда суёт, а из сапога фонтан воды. Народу смешно, а бедолаге тяжело. Или поменяют ночью местами табуретки с одеждой. Вот утром «потеха» начинается. Был случай, рота строится, а один солдат без брюк в строю стоит. Старшина: «Трах-тибидох, куда штаны дел?». А тот отвечает: «Хлопцы спи...ли». Короче, жили мы в учебке весело.

Советский стройбат

В советское время стройбат был устроен следующим образом: командовали строевые офицеры, которые окончили обычные военные училища и за какие-то провинности были отправлены в строительные части, или лейтенанты после окончания обычных институтов со строительными специальностями. Также были строевые прапорщики и сержанты, которые окончили учебные подразделения (я как раз ока-

зался таким) и полностью обеспечивались довольствием за счёт министерства обороны. Строевой сержант получал в месяц на руки от 10 до 14 рублей в зависимости от должности «на курево». Но, кроме этого, были военные строители – абсолютно бесправные солдаты и сержанты, которые должны были работать «за еду и одежду». Им каждый месяц начислялась минимальная зарплата – обычно рублей 40–60, но потом из этой зарплате вычитывались деньги за питание, обмундирование, баню, кино в клубе и так далее. А ещё они должны были из получаемых на руки 3 рублей 80 копеек «на курево» заплатить комсомольские взносы, но не от 2 до 20 копеек, как строевые солдаты и сержанты, а с начисленной зарплате – рубль–полтора и более. В результате постоянно возникали конфликты и недовольства, а также воровство и приписки. К концу службы бухгалтерия сводила лицевой счёт солдата – военного строителя к нулю или к небольшим деньгам на дорогу – рублей 100–200 (билет на поезд до дома в отпуск или на «дембель» солдат или сержант – военный строитель покупал за свой счёт). Были, конечно, исключения из этого правила. Некоторые особо «рукастые» и умелые солдаты могли дослужиться до высокого разряда, а это очень ценилось, так как документ о разряде потом зачитывался после демобилизации при устройстве на работу. Ведь приходили в армию 18-летние мальчишки после школы без профессии, а через 2 года худо-бедно уже многому научились (обучение строилось на «дедовщине», когда ста-

рослужащие пинками и матом обучали молодое пополнение какой-то профессии и трудовым навыкам). Особенно много начинали получать к концу службы и пользовались авторитетом хорошие сварщики («сварные»), крановщики, пистолетчики (те, кто работал со строительно-монтажными пистолетами) и электрики («фазы»). Например, был потом в нашей части солдат-сварщик, за которым присылали автомашину «Волгу» от командующего округом, когда нужно было что-то где-то очень ответственное заварить.

Был даже такой термин – определение – «Пахарь УИ-Ра» (УИР – Управление инженерных работ). Так называли солдат – военных строителей, которые умели хорошо работать и вкалывали по полной. Но таких были единицы. Однако командиры всячески поддерживали и поощряли лучших работяг. И в отпуск за время службы такие ребята могли 2–3 раза съездить, и денег на дембель заработать (был случай, когда такой солдат увез на дембель автомобиль, правда не новый, но в то время это было как в космос слетать).

Естественно, практиковалось огромное количество брака, приписок и прочего негатива. Например, перед очередной демобилизацией командир вызывал дембелей и говорил: «Есть дембельский аккорд – надо отремонтировать казарму. Кто справится – поедет домой в первых рядах и с деньгами». И начинала кипеть работа... Такие дембеля становились пахарями – бригадирами, ночами и выходными на ремонте бесплатно работали солдаты молодого призыва, и начальство на

это закрывало глаза. Откуда ни возьмись начинали появляться бетоновозы, лесовозы, гвозди, краска... Всё оплачивалось дембелями и часто на это собиралась дань с молодых солдат. А солдатам некоторых национальностей (Армения, Грузия, Азербайджан) на такое благое дело присылали или привозили деньги родственники с исторической Родины.

К положенному сроку, как в сказке, казарма стояла как новая. Дембеля с почётом уезжали домой, а брак постепенно выявлялся и исправлялся уже следующим поколением будущих дембелей. Так работал конвейер советского стройбата.

Называлось всё это «хозспособ» (казарму отремонтировали хозспособом, плац 200 на 200 метров заасфальтировали хозспособом и т. д. и т.п.).

Был ещё и способ «повышение производительности труда» – в городе были ведь и гражданские строительные организации, но гражданские строители получали мало, пили много и работать не любили. Вдруг на объект, который строится или ремонтируется такими работягами, присылается толпа военных строителей и худо-бедно за счёт количества работников стройка завершается за несколько дней. Получается, что резко выросла производительность труда, а это был главный показатель, за который могли и премии, и награды дать («Производительность труда есть самое главное, самое важное для победы нового строя» В.И. Ленин – примерно так). За это командир части, приславший своих бойцов, получал доски, краску, гвозди, стекло и т. д. совершен-

но бесплатно для себя или своей части.

Рыбки Золотые

Как я уже заметил, наш взвод был «пожарниками». Каждый день из взвода выделялось двое курсантов – дозорных пожарной команды, которые должны были 24 часа подряд ходить кругами по всей части и предупреждать возможные возгорания и пожары. Каждый час нужно было докладывать дежурному по части офицеру: «За время моего дежурства происшествий не случилось». Спать разрешалось по очереди днём по 2 часа. С одной стороны, такое дежурство было отдыхом, а с другой стороны – пыткой. Выйдешь на высокий берег Волги, а по ней пароходы плывут, музыка играет, народ отдыхает...

Ну и, конечно, дозорные участвовали в «пожарных тревогах». Был случай, когда по такой тревоге выкатили и пожарную мотопомпу – такой полуприцеп, на котором стоял двигатель от легкового автомобиля «Волга» и мощный насос. Прикатили эту помпу к штабу, и наш лейтенант решил «провести учения, приближённые к боевым». Всасывающий шланг (сантиметров 20 диаметром) этой помпы опустили в бассейн – фонтан перед штабом, брандспойт стоял на лафете, его направили под наклоном вверх и завели двигатель. Секунд за 20, пока лейтенант сообразил, чем это кончится, весь бассейн с любимыми командиром полка золотыми рыбками улетел через крышу штаба в соседнюю дубовую рощи-

цу.

Как уж потом наш лейтенант оправдался, не знаю, но рыбок мы не нашли, хотя искали долго. Больше помпу нам таскать на себе, как на ездовых собаках, не приходилось.

Приходилось нам ещё как «пожарникам» регулярно перезаправлять химические пенные огнетушители для всего учебного полка. А было их море... Сначала нужно было «разрядить» просроченный огнетушитель (перезаправляли их, кажется, раз в полгода). Делалось это по-ленински просто – содержимое (щёлочь и серная кислота) выпускалось на землю и ни о какой экологии в то время никто даже и не думал. Если удавалось, то огнетушитель опустошался штатным порядком, как при пожаре (при этом кислота смешивалась со щелочью и как-то нейтрализовалась), а если нет, то просто всё выливалось. А так как находилась часть на очень высоком берегу Волги, то всё это текло напрямик туда. Потом в старой эмалированной ванне разводили из порошка щелочь и заливали в огнетушитель, затем в полиэтиленовую колбу с «затычкой» лили серную кислоту. И всё это просто на улице без всякой защиты, даже без резиновых перчаток. Одежда прожигалась, а потом просто рассыпалась «на раз» (поэтому нас всех перед этой работой переодевали в б/у старую форму), руки потом долго были с волдырями от химических ожогов. Но все были довольны...

Могу копать – могу и не копать

Довольно часто вместо занятий курсантов посылали что-нибудь копать (или засыпать). Был случай, когда до обеда по указанию какого-то капитана наш взвод пытался вырыть траншею, стоя по колено в воде, для того чтобы отвести эту грязную жижу в Волгу. Втыкаешь штыковую лопату в грязь и вычерпываешь капельку жижи – и никаких следов от такой работы не остаётся. И так, с утра и до обеда, 30 человек ковырялись с весёлым матерком. После обеда появился уже какой-то майор, посмотрел на наши успехи и приказал засыпать эту огромную лужу песочком из кучи песка, которая была метров за 100 от лужи. И опять с весёлым матерком до ужина мы бегали и на штыковых лопатах носили песок в эту лужу. Результат был нулевой – бросишь лопату песку в лужу, и она исчезла без следа, только грязи больше стало. Но офицеры были довольны – бессмысленная работа облегчает их задачу подчинить себе бесправных солдат.

На следующий день к этой луже пригнали бульдозер и за 5 минут он сдвинул и лужу, и вчерашний песок вместе с огромным пластом земли прямо в Волгу.

Во время одного из таких авралов мне повезло – после долбления здоровенным ломом твердой земли один из курсантов прислонил лом к забору. А я как раз рядом стоял. Лом тут же упал и грохнул мне на ногу, прямо по большому пальцу с вросшим ногтем. И попал я в медсанчасть, где очень удачно пролежал почти неделю, отоспался и отъелся...

Медсанчасть – это была настоящая трёхэтажная больница прямо на территории полка. Кормили хорошо, перевязывали и давали спать вволю.

Как раз в эти дни проходили очередные выборы каких-то депутатов. Выборы в армии проходили в обстановке «максимальной демократии». В день выборов был выходной день и отменялся подъём (подъём в выходные дни был обычно на час позже, чем в будние дни). Однако уже в 6 часов утра начинало горланить радио по всей части, и все вставали «совершенно добровольно». Потом без утренней зарядки курсантам раздавали военные билеты (обычно они хранились в сейфе в штабе части), и не строем, а вроде как свободные люди солдаты шли в клуб, где проводились выборы. Между подразделениями проводилось соревнование – какое подразделение полностью проголосует раньше остальных. Затем проводились спортивные соревнования, праздничный обед и вечером показывали кинофильм. Но я-то лежал в медсанчасти, и предполагалось, что урну для голосования потом принесут в медсанчасть для всех лежачих больных. Но уже часов в 7 утра прибежал посыльный из нашей роты и сообщил, что за меня уже проголосовали и чтобы я не «дергался» и не засветился. Так мне и не удалось поиграть тогда в выборную демократию.

Экстрасенс

Вот там-то, в медсанчасти, я впервые увидел местного

экстрасенса. Это был будущий прапорщик, которому какие-то прыщи лечили. Он действительно обладал каким-то даром и мог делать с человеком всё что угодно. Правда не со всеми, а только с теми, кто поддавался его гипнозу (наука говорит, что таких среди людей процентов 20–30). Я лично ничего около него не чувствовал, а некоторые просто в кроликов превращались... Медсестры от него бегали в разные стороны – кто-то им сказал, что он может на спор заставить их голыми маршировать по коридору.

Потом уже, после выздоровления, я ещё раз видел этого экстрасенса в полковом клубе (клуб это был стандартный кирпичный двухэтажный кинотеатр с большой сценой). В клуб собрали два батальона – человек 700, и выступление проходило почти так, как потом лет через 20 Кашпировский делал. Он стоял на сцене и говорил: «Сцепите руки за головой и закройте глаза, слушайте меня внимательно – ваши руки тяжелеют, пальцы сжимаются всё сильнее, вам хорошо и спокойно, вы хотите спать...» и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.